

ЮРИЙ ПАВЛОВ

ЧЕХОВ КАК РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ ИВАНА БУНИНА

Сестра Чехова Мария Павловна ещё в 1911 году выразила уверенность в том, что лучше Бунина о её брате никто не напишет. Первый шаг в этом направлении Иван Алексеевич сделал осенью 1904 года очерком “Памяти Чехова”. Затем последовали дополнения, интервью, новая редакция и два названия: “О Чехове. Из записных книжек” и “Чехов”. В эмиграции Бунин неоднократно перечитывал произведения писателя, его письма, воспоминания современников. Имя Чехова довольно часто встречается в дневниках Бунина. Но лишь после выхода в 1947 году в СССР сборника воспоминаний о Чехове и полного собрания сочинений писателя Бунин в последний год своей жизни принимает за книгу о любимом авторе. Она осталась незавершенной и впервые была опубликована в СССР с купюрами лишь в 1967 году (Бунин И. О Чехове // Бунин И. Собр. соч. В 9 т. т. Т. 9. М., 1967).

За последние 47 лет книга Бунина стала неотъемлемой частью многих работ о Чехове. Так, в одной из лучших из них – исследовании Алевтины Кузичевой “Чехов. Жизнь “отдельного человека” (М., 2012) – бунинские размышления и свидетельства органично вплетаются в серьезную работу автора. Я же остановлюсь на тех положениях незаконченного труда Ивана Алексеевича, которые сегодня, на мой взгляд, особенно актуальны или требуют дополнительных комментариев, уточнений.

В начале книги Бунин приводит традиционно поминаемые на протяжении более ста лет факты детства, юности, молодости Чехова: ночное пение в церковном хоре, “хозяйское око” в лавке, с гимназических лет зарабатывание себе и семье на хлеб, медицинское образование, знакомство со второго курса университета с журналистским миром и т. д. Бунин напрямую связывает эти факты биографии Чехова с его редким знанием людей, жизни, проявившимся уже в раннем творчестве. Иван Алексеевич, в частности, утверждает: “Если бы не было церковного хора, спевок, то и не было бы рассказов ни “Святой ночью”, ни “Студента”, ни “Святых гор” (такого рассказа у Чехова нет. – Ю. П.), ни “Архиерея”, не было бы, может быть, и “Убийства” без такого его тонкого знания церковных служб и простых верующих душ”.

Говоря о семи годах жизни в Подмоскovie, которые дали Чехову как писателю очень много, Бунин мимоходом сообщает следующий факт: “Его брат, Иван Павлович, получил место учителя в церковно-приходской школе, квартира была из четырёх комнат, и семья Чеховых на лето приезжала к нему”. Для полноты картины добавлю. В письме к дяде М. Е. Чехову от 11 апреля

1886 года Антон Павлович сообщал: “Иван получил в Москве казённую школу, где он будет самостоятелен. Квартира у него в 5 комнат, казённая. Прислуга, дрова и освещение тоже казённые”. О таком положении сегодняшней учитель может только мечтать.

Бунин, называя многие произведения Чехова, порождённые жизнью в Подмоскowie, удивляется тому, что писателю “ничего не дал Псёл, где он прожил два лета восемьдесят восьмого и восемьдесят девятого, хотя восторгался этими местами выше меры. Но в литературе его они не отразились”.

Следует уточнить: весенне-летние месяцы 1888 года, прожитые Чеховым в Полтавской губернии, нашли отражение в рассказе “Именины”. Алексей Николаевич Плещеев, гостивший вместе с Буниным в усадьбе Линтварёвых три недели, увидел в данном произведении сумской “след”. В октябре 1888 года он отозвался на “Именины” письмом, в котором содержалось много критических замечаний и предложение: убрать из рассказа “человека 60-х годов” и “украинофила”, ратующего за освобождение Малороссии от “русского ига”.

9 октября Чехов ответил Плещееву письмом, где подробно, по пунктам прокомментировал его замечания. Я приведу только высказывания с украинским сюжетом. В восприятии Чехова “украинофильство – не улика”. Писатель выделяет, по сути, два типа украинофилов. Первый тип, представленный семьёй Линтварёвых, вызывает у Чехова симпатию, ибо у таких людей главным является “любовь к теплу, к костюму, к языку, к родной земле”. Ко второму типу украинофилов Чехов относился резко негативно, что было вызвано следующими причинами: “Я же имел в виду (в рассказе “Именины”. – Ю. П.) тех глубокомысленных идиотов, которые бранят Гоголя за то, что он писал не похотлачки, которые, будучи деревянными, бездарными и бледными бездельниками, ничего не имея ни в голове, ни в сердце, тем не менее стараются казаться выше среднего уровня и играть роль, для чего и нацепляют на свои лбы ярлыки”.

Чехов, очень тепло относясь к Малороссии и к “хохлам” (наиболее часто употребляемое писателем слово), указывал на многие их достоинства. В то же время он отмечал и ещё одно качество, которое порождает в украинском народе (как и в любом другом) “глубокомысленных идиотов”. Так, в письме к Суворину от 18 декабря 1891 года Чехов, имея в виду творчески-интеллигентскую среду, заметил: “Хохлы упрямый народ; им кажется великолепным всё то, что они изрекают, и свои хохлацкие истины они ставят так высоко, что жертвуют им не только художественной правдой, но даже здравым смыслом”.

Параллели, совпадения с новейшей постсоветской украинской действительностью более чем очевидны. Самое страшное и трагичное то, что тип украинофила из “Именин” определяет политику Украины начала XXI века: он по-прежнему видит в Гоголе предателя, неустанно транслирует мифы о русском иге, голодоморе, воспекает Бандеру и прочих украинских националистов-фашистов.

Бунин в своей книге, говоря о родословной Чехова, о проживании предков писателя в Воронежской губернии с XVII века, высказывает предположение: явились они в эти места “с севера, а не из украинских земель, так как речь Чеховых и в XIX веке, и раньше была русская. (Называя себя неоднократно в письмах “хохлом”, А. П. Чехов, вероятно, имел в виду, что его бабушка со стороны отца была украинкой)”. Однако Бунин не обращает внимания на то, что *хохло* Чехов называет себя только в отрицательно-ироничном контексте: “хохлацкая лень”, “хохлацкая логика” и т. д.

Русскость Чехова на ином, духовно-культурном, ментальном уровне, который, собственно, определяет национальную принадлежность человека, писателя, подчёркивается Буниным через высказывание Л. Н. Толстого. Он, нежно любивший Антона Павловича, говорил ему: “Вот вы – русский. Да, очень, очень русский”. Этим бунинский текст советскими публикаторами прерывается, о чём они уведомляют читателей соответствующим знаком. Остаётся лишь гадать, по какой причине был обрезан *русский сюжет* в книге Бунина.

Русскость Чехова чаще всего по-разному игнорируется и в постсоветское время многими исследователями, журналистами. Даже в объёмнейшей (44,5 печатных листа!) и очень хорошей книге Алевтины Кузичевой “Чехов. Жизнь “отдельного человека” (М., 2012) данная тема практически отсутствует. Поэтому оставим на долгое время книгу Бунина и уделим особое внимание восприятию Чеховым русской и – шире – национальной проблематики.

По отношению к России и к русским писатель неоднократно характеризовал и себя, и других. Ключевым в понимании указанной проблемы является, на мой взгляд, следующий эпизод. Чехов делится с А. С. Сувориным впечатлениями о посещении издательства: “На днях я был у Сытина и знакомился с его делом. Интересно в высшей степени. Это настоящее народное дело. Пожалуй, это единственная в России издательская фирма, где русским духом пахнет и мужика-покупателя не толкают в шею”.

В этом суждении Чехов, следуя национальной традиции, единственно верно сопрягает дело для народа, национальный дух как его стержень и, выражаясь современным языком, главного потребителя товара – мужика. Эта триада, по сути, выражает формулу жизни Чехова, его столь разнонаправленной деятельности. Напомню только некоторые вехи ее: многолетняя врачебная практика в ущерб себе и на пользу мужику, построенные им три школы, сахалинская эпопея с составленными Чеховым десятками тысячами статистических карточек, собиране библиотеки для Таганрога (сопровожаемое в письмах к И. Ф. Иорданову просьбами: “Никому не говорите о моём участии в делах библиотеки”), хлопоты о строительстве шоссе по просьбе крестьян, постоянная – с юношеского возраста и до смерти – материальная помощь близким и далёким родственникам, забота о священнике Н. Н. Некрасове, талезском учителе и многих других. Особого внимания заслуживает завещание писателя. Согласно ему, после смерти близких родственников их имущество и доходы от издания чеховских книг должны быть переданы в таганрогское городское управление на нужды народного образования. Параллели проведите сами.

Как известно, Чехов немало путешествовал и особенно восторгался Италией, Цейлоном, Абхазией. Но, как однажды писатель признавался Иорданову: “За границей меня всякий раз донимает тоска по родине” (письмо от 15 апреля 1897 года).

В последние годы жизни, вынужденно обосновавшись в Крыму, узнав жизнь Ялты и её окрестностей изнутри, Чехов получил полноценную возможность сравнить этот российский курорт с французской Ниццей и не только с нею. В этих сравнениях проявилось объёмное видение Чеховым человека, места, народа, страны, позволяющее оценивать их достоинства и недостатки одновременно, в совокупной целостности. Приведу два характерных высказывания писателя: “Крымское побережье красиво, уютно и нравится мне больше, чем Ривьера; только вот беда – культуры нет. В Ялте и в культурном отношении пошли даже дальше, чем в Ницце, тут есть прекрасная канализация, но окрестности – это сплошная Азия” (письмо А. С. Суворину от 8 октября 1898 года); “Ялта лучше Ниццы, несравненно чище её. Но русские курорты бедны и потому скучны, ужасно скучны, скучнее даже, чем поездка на кумыс” (письмо Л. И. Веселитской от 4 января 1899 года).

Неожиданно для себя Чехов ощутил и другое преимущество Ялты. Зимой 1901 года писатель, по его словам, бежал из Ниццы в Италию, а из неё (из Рима и Флоренции) – в Крым. Причина бегства проста: во Франции и Италии было холодно, а печи в этих странах отсутствовали. Как сообщал Чехов Н. П. Кондакову: “Теперь в Ялте я отогреваюсь” (письмо от 20 февраля 1901 года).

Из всех российских курортных тёплых мест Чехов отдавал предпочтение Ялте и потому, что в ней, по его словам, “ближе к России” (письмо В. М. Соболевскому от 19 января 1900 года). Однако тоска по “малой родине” настигала Чехова и в Крыму, о чём, например, свидетельствует следующее откровение писателя, не характерное для сдержанного Чехова. Находясь в Ялте, он признался В. М. Соболевскому: “Без России нехорошо, нехорошо во всех смыслах. Живёшь тут, точно сидишь в Стрельне, и все эти вечнозелёные растения, кажется, сделаны из жести, и никакой от них радости, и не видишь ничего интересного, так как нет вкуса к местной жизни” (письмо от 19 января 1900 года).

Русскость Чехова проявлялась и в том, что он прежде и больше всего писал о недостатках своего народа. В редких случаях он перегибал палку, сбиваясь на обобщённо-несправедливые, оскорбительные оценки (как, например, в письме М. П. Чеховой от 13 июля 1890 года). Подчеркну: в основе национальной самокритики писателя лежит любовь к России и русским, эмоциональная реакция на поведение людей, “оскверняющих русское имя” (письмо А. С. Суворину от 9 декабря 1890 года). Поэтому несостоятельны постоянные

попытки либеральных авторов сделать из Чехова своего союзника или единомышленника. Также несостоятельны версии о Чехове – ненавистнике евреев, крымских татар, немцев и т. д. Покажу это на примере.

Меньше чем за месяц до смерти, находясь в Германии, Чехов писал редактору газеты “Русские ведомости” В. М. Соболевскому: “Немцы или утеряли вкус, или никогда у них его не было: немецкие дамы одеваются не безвкусно, а прямо–таки гнусно, мужчины тоже, нет во всём Берлине ни одной красивой, не обезображенной своим нарядом” (письмо от 12 июня 1904 года). Однако тут же Чехов отмечает и достоинства немцев: “Зато по хозяйственной части они молодцы, достигли высот, для нас недостижимых”. Через четыре дня в письме к сестре Антон Павлович продолжил делиться своими немецкими впечатлениями: “Не чувствуется ни одной капли таланта ни в чём, ни одной капли вкуса, но зато порядок и честность – хоть отбавляй. Наша русская жизнь гораздо талантливее, а про итальянскую или французскую и говорить нечего”. Общие рассуждения о немцах перебиваются оценками поступков отдельных представителей этого народа. В том же письме к сестре Антон Павлович, говоря о немецких докторях, мимоходом сообщает, что “во всём этом много шарлатанства”. А далее в присущей ему ироничной манере уравнивает негатив: “но много и в самом деле хорошего, полезно, например, овсянка”.

Ивана Бунина поразило то, что в письме к нему Чехов примерно за три недели до смерти говорил о своём улучшающемся здоровье, заказанном белом костюме. Меня же в последних письмах Чехова больше удивило другое. Антон Павлович за пять дней до смерти сообщает сестре следующее: “Ни одной прилично одетой немки, безвкусица, наводящая уныние”.

Отношение Чехова к российским немцам также отличалось от традиционного их восприятия. В письме к Суворину Антон Павлович говорит о необходимости национальных школ для крымских татар на полуострове и просит его о следующем: “Напишите, чтобы деньги, затрачиваемые на колбасный Дерптский университет, где учатся бесполезные немцы, министерство отдавало бы на школы татарам, которые полезны для России” (письмо А. С. Суворину от 20–25 ноября 1888 года).

Как видим, Чехов периодически позволял себе “неаккуратные” оценки немцев, в которых, если постараться, можно увидеть национальное оскорбление. Для меня более показательное иное. Когда издатель, российский немец Адольф Фёдорович Маркс, по сути, ограбил Чехова, Антон Павлович оценил данный поступок без национальной подоплёки (люди, не симпатизирующие тому или иному народу, всегда поступают прямо противоположным образом). Чехов лишь сообщил Константину Петровичу Пятницкому: “Я прерываю с ним всякие отношения, так как считаю себя обманутым довольно мелко и глупо” (письмо от 19 июня 1904 года).

Конечно, нельзя обойти вниманием и избранницу Чехова – немку Ольгу Леонардовну Книппер. Бунин, узнав об их предстоящей свадьбе, подумал: “Да это самоубийство! Хуже Сахалина”. Хотя Бунин оказался прав, главное, думается, в другом: Чехов по-настоящему любил О. Л. Книппер. Симптоматично, что среди многочисленных нежных, иронично-ласковых обращений Антона Павловича к Ольге Леонардовне встречаются и национально-окрашенные: “немочка прекрасная”, “немочка моя добрая”, “моя немчуша”. И себя Чехов с той же иронией определяет через немецкость (“я совсем немецкий муж по своему поведению, даже хожу в тёплых кальсонах”), а своего будущего ребёнка называет “полунемчиком”.

Итак, Чехов не был национально предвзят, ограничен. Его “всемирная отзывчивость” проявлялась даже в, мягко говоря, непростых условиях передвижения по России на Сахалин весной 1890 года. Антон Павлович отмечает достоинства татар, русских, евреев, поляков, хохлов. Он периодически переводит разговор из национальной плоскости в общечеловеческую: “Боже мой, как богата Россия хорошими людьми” (письмо М. П. Чеховой от 14–17 мая 1890 года). Умение Чехова видеть много хороших людей именно в России – ещё одно отличие писателя от западников и либералов всех времён.

Национальное “я” Чехова, конечно, по-разному проявилось и в его творчестве, в частности, через авторское понимание человека и жизни. Прямо – без художественных условностей пьесы “Иванов” – писатель говорит о своих взглядах в пространном письме к Суворину от 30 декабря 1888 года. Чехов,

ведя речь о главном герое произведения, взятом в контексте судьбы большинства интеллигенции, высказывает ряд общих, принципиальных суждений. Один из творческих принципов писателя, непонятый многими до сих пор, определяется так: "... в пьесе я не употреблял таких терминов, как "русский, возбудимость, утомляемость" и проч. в полной надежде, что читатель и зритель будут внимательны и что для них не понадобится вывеска: "це не гарбуз, а слива".

Характеризуя Иванова, Чехов отмечает в нём типичные, с его точки зрения, русские черты: возбудимость, утомляемость, чувство вины. В данном случае отмечу лишь общий подход, традиционный для отечественной литературы в понимании и изображении литературного героя, — это обязательное соотнесение его с национальным миром, традициями, идеалами.

С таких позиций ответил писатель и на вопрос Суворина: "Что должен желать теперь русский человек?" В словах Чехова выражено одно из главных требований к русскому человеку: "Желать. Ему нужны прежде всего желания, темперамент. Надоело кисляйство" (письмо от 12 декабря 1894 года). Очевидно, что эти слова адресованы в первую очередь интеллигенту-кисляку, преобладавшему и в литературно-театральной среде, и в жизни вообще.

Высказывания Чехова об этом типе интеллигенции *рифмуются* с резкими и точными оценками Василия Розанова, Ивана Солоневича (который, кстати, вообще не понял Чехова) и других ненавистников интеллигенции. Чехов в письме к И. И. Орлову, отвергая версию своего корреспондента, утверждает: "Не гувернант, а вся интеллигенция виновата, вся, сударь мой". И далее Антон Павлович выражает своё отношение к "розе в навозе" (если использовать образ Дмитрия Быкова из отвратительной статьи "Два Чехова"), в котором он был, несомненно, прав и неизменно последователен на протяжении всей жизни: "Я не верю в нашу интеллигенцию, лицемерную, фальшивую, истеричную, невоспитанную, лживую, не верю даже, когда она страдает и жалуется, ибо её притеснители выходят из её же недр" (письмо от 22 февраля 1899 года). Отношение Антона Павловича к интеллигенту-кисляку порождено традиционной системой ценностей, которую этот "кисляк" и ему подобные неинтеллигентны из разных сословий утратили.

Называть же русскими людей, представляющих этот денационализированный тип личности, можно лишь условно, а точнее, правильнее — этого совсем не делать. Так как сей тип россиянина сегодня преобладает, многие суждения Чехова звучат в 2014 году даже более актуально, чем на рубеже XIX–XX веков. Судите сами: "Здесь, в Pension Russe (в Каннах. — Ю. П.) я изучал киевских профессоров — опять хоть комедию пиши! А какие ничтожные женщины <...> У одной 45 выигранных билетов, она живёт здесь от нечего делать, только ест да пьёт, бывает часто в Monte-Carlo <...> Сколько тонет здесь русских денег, особенно в Monte-Carlo!" (письмо О. Л. Книппер от 6 января 1901 года); "Дамы, живущие в Pension Russe, русские (точнее, российские. — Ю. П.) дамы — это такие гады, дуры. Рожа на роже, злоба и сплетни, чёрт бы их побрал совсем".

Наиважнейшей, по сути, определяющей частью космополитической интеллигенции на рубеже XIX–XX веков являлись преподаватели, учителя, деятели культуры, писатели декадентско-модернистского толка. О последних, на примере Франции и России, Чехов говорит, в частности, что они "третируют <...> совесть, свободу, любовь, честь, нравственность"; "они заставляют Францию вырождаться, а в России они помогают дьяволу размножать слизняков и мокриц, которых мы называем интеллигентами. Вялая, апатичная, лениво философствующая, холодная интеллигенция <...>, которая не патриотична, уныла, бесцветна <...>, которая брюзжит и охотно отрицает всё <...>; которая не женится и отказывается воспитывать детей"; "где вырождение и апатия, там половое извращение, холодный разврат, выкидыши, ранняя старость, брюзжащая молодость, там падение искусств, равнодушие к науке, там несправедливость во всей своей форме" (обе цитаты — из письма А. С. Суворину от 27 декабря 1889 года).

В этом же письме Чехов делит литературу на две литературы с точки зрения утверждаемых писателями ценностей. Представители одной из них — декаденты во Франции и в России, разрушавшие традиционные христианские ценности и утверждавшие идеи и идеалы прямо противоположные, — по справедливому мнению Антона Павловича, "служили злу". Они к тому же были не-

нави́стниками своих народов и стран, а если выражаться языком более позднего времени, писатели-декаденты — “пятая колонна”, “агенты влияния”, “иностранные агенты” (такие верные, охранительные, “мракобесные” мысли не приходили в голову даже Константину Победоносцеву!). Если, по предположению Чехова, начнётся война между Францией и Германией, то Франция её проиграет и “союзниками” (слово писателя) Германии в этой войне будет французская декадентская литература.

Её родная сестра в России (позже её назовут Серебряным веком) готовила почву для реальной глобальной катастрофы февраля 1917 года. Но до этих событий Чехов не дожил, как не увидел он и рождения новых “гениев” из этой плеяды детей и певцов порока. Свидетелем этого литературного безобразия (от его рождения до кончины) был так любимый Чеховым Иван Бунин. Он в своих разножанровых публикациях дал точные, убийственные портреты представителей Серебряного века.

В книге о Чехове Бунин, отталкиваясь от слов Антона Павловича, уточняет его оценку декадентов так: “Но нельзя сказать, что здоровые, нормальные”. И далее Бунин поясняет свой взгляд, начав с риторического вопроса: “Кто же из них мог назваться здоровым в обычном смысле этого слова? Все они были хитры, отлично знали, что потребно для привлечения к себе внимания, но ведь обладает всеми этими качествами и большинство истериков, юродов, помешанных. И вот: какое удивительное скопление нездоровых, ненормальных в той или иной форме, в той или иной степени было ещё при Чехове и как всё росло оно в последующие годы! Чахоточная и совсем недаром писавшая от мужского имени Гиппиус, одержимый манией величия Брюсов, автор “Тихих мальчиков”, потом “Мелкого беса”, иначе говоря, патологического Передонова, певец смерти и “отца” своего дьявола, каменно неподвижный и молчаливый Сологуб, “кирпич в сюртуке”, по определению Розанова, буйный “мистический анархист” Чулков, испуганный Волынский, малорослый и страшный своей огромной головой и стоячими чёрными глазами Минский”.

Все-таки акцент, думаю, нужно делать не на психическом нездоровье (которое, в ряде случаев, несомненно), а на духовной, культурной, национальной аномальности представителей Серебряного века. Такой подход у Бунина лишь обозначен в дневниковой записи от 22 ноября 1922 года: “Опять спор, как отнестись к Блоку, Белому. Мережковские: “Это заблудшие дети”. Да, блудить разрешается, но только влево. Вот Чехову двадцать лет не могли забыть, что он печатался в “Нов<ом> Вр<емени>” (Бунин И., Бунина В. Устами Буниных. Дневники. Т. 2. М., 2005).

Левый (духовный) блуд — это, на мой взгляд, универсальная оценка всего Серебряного века с его родовыми чертами: разного рода богоотступничеством, ненавистью к Православию и монархии, неприятием русской системы ценностей, традиционной семьи, реабилитацией греха, навязыванием представлений о нём как о норме, добродетели и т. д.

Чехов прекрасно понимал, какую роль занимают Православие и Церковь в судьбе отдельного человека и России. Он напрямую связывал веру общества в Бога со справедливостью (письмо А. С. Суворину от 27 декабря 1889 года) и, как Пушкин, Гоголь, Достоевский, с особой теплотой относился к монахам и монастырской жизни. Более того, он выражал желание стать монахом, что вызывало иронию Книппер.

Реакция Ольги Леонардовны была типичной для интеллигенции. Одна часть её объявила Православие и Церковь своими главными врагами, другая часть интеллигенции решила их “реформировать”. Для реализации этих идей было создано в 1901 году религиозно-философское общество в Петербурге. Его костяк составляли символисты и прочие бесноватые искатели “Третьего Завета”.

Чехов в письме к В. С. Миролубову выразил огорчение его новой деятельностью в религиозно-философском обществе и дал ему совет: “Нужно верить в Бога, а если веры нет, то не занимать её место шумихой, а искать, искать, искать одиноко, один на один со своей совестью” (19 декабря 1902 года).

Высказался Чехов по этому поводу и в письме к Сергею Дягилеву. Не разделяя его восторгов от религиозного движения интеллигенции, Антон Павлович предельно просто и чётко сформулировал своё видение модного явления: “Интеллигенция же пока только сыграет в религию и главным образом — от нечего делать. Про образованную часть нашего общества можно сказать, что

она ушла от религии и уходит от неё всё дальше и дальше, что бы там ни говорили и какие бы философско-религиозные общества ни собирались". Так в очередной раз проявились духовное здоровье и прозорливость писателя.

Вполне естественно и логично то, как отнёсся Чехов к Мережковскому, одному из идеологов символизма и религиозно-философского общества. Ещё в 1888 году Дмитрий Сергеевич откликнулся на выход чеховских книг "В сумерках" и "Рассказы" статьёй "Старый вопрос по поводу нового таланта". Антон Павлович назвал работу Мережковского длинной, а позицию автора (с точки зрения развития критики) – непродуктивной. "... Потеряют десяток лет, – утверждал Чехов, – напишут много балласта (что и случилось, более того, в последние почти тридцать лет многие "специалисты" представляют этот балласт как очередную вершину русской литературы. – Ю. П.), запутают ещё больше вопрос (это интеллигентски-декадентское умение запутывать проблему Блок хорошо назвал "словесным кафешантаном". – Ю. П.)" (письмо А. С. Суворину от 3 ноября 1888 года). Чехов также отмечал глупость Мережковского и то, что он не разобрался в вопросе, о котором говорит. Антону Павловичу не понравилась и терминология критика: "неудачники", "лишние люди"...

Как известно, терминология эта была порождена всё той же левой традицией, восходящей к Белинскому. И закономерно, что один из его духовно-идейных наследников Дмитрий Мережковский не понял русскую литературу, в частности, Чехова. В том же послании к Суворину Чехов возмущённо писал: "Мережковский моего монаха (героя рассказа "Архиерей". – Ю. П.), сочинителя акафистов, называет неудачником. Какой же это неудачник? Дай Бог всякому так пожить: и в Бога верил, и сыт был, и сочинять умел... Делить людей на удачников и неудачников – значит, смотреть на человеческую природу с узкой, предвзятой точки зрения... Удачник Вы или нет? А я? А Наполеон? Ваш Василий? Где тут критерий? Надо быть Богом, чтобы уметь отличать удачников от неудачников и не ошибиться..."

Духовно-культурная, мировоззренческая, человеческая несовместимость Чехова с Мережковским и ему подобными наглядно проявилась в 1903 году, в момент приглашения Антона Павловича Сергеем Дягилевым к сотрудничеству с Дмитрием Мережковским в "Мире искусств". В ответе писателя, в частности, говорилось: "Но ведь воз-то мы, если и повезём, то в разные стороны <...>. Редактор должен быть один, только один..." (письмо от 12 июля 1903 года).

Иван Бунин, затрагивая тему декадентов, приводит следующее высказывание Чехова о них: "Какие они декаденты! <...> Они здоровеннейшие мужики, их бы в арестантские роты отдать..." Иван Алексеевич, опираясь на историю декаданса и модернизма вообще, развивает, корректирует мысль Чехова. Он точно характеризует данное явление как духовно-мертвенное, культурно-вырожденческое. Из нескольких убийственных страниц Бунина приведу только начало, которое, как и весь текст, думаю, понравилось бы Чехову: "Правда – почти все были жулики..."

Принципиальное несогласие Бунина с Чеховым возникает там, где он говорит о его драматургии. Иван Алексеевич признаётся, что не любит пьес Чехова и ему "даже неловко" за Чехова-драматурга. Неловко, прежде всего, за незнание реальной помещичье-дворянской жизни, за ходульных героев. Вот только некоторые суждения Бунина на эту тему: "... вопреки Чехову, нигде не было в России садов сплошь вишнёвых: в помещичьих садах бывали только части садов, иногда даже очень пространные, где росли вишни".

Иван Бунин в своей книге по-разному подчёркивает естественное благородство Чехова. Природу этого благородства и других черт личности писателя, думаю, невольно объяснил сам Антон Павлович. Писатель, комментируя рассуждения своего корреспондента о высшей нравственности, отвечает ему: "Нет ни низших, ни высших, ни средних нравственностей, а есть только одна, а именно та, которая дала нам во время оно Иисуса Христа и которая теперь мне, Вам и Баранцевичу мешает красть, оскорблять, лгать и проч. Я же во всю мою жизнь, если верить покою своей совести, ни словом, ни делом, ни помышлением, ни в рассказах, ни в водевилях не пожелал жены ближнего моего, ни раба его, ни вола его, ни всякого скота его, не крал, не лицемерил, не льстил сильным и не искал у них, не шантажировал и не жил на содержании" (письмо И. Л. Леонтьеву (Щеглову) от 22 марта 1890 года). И в этих словах тридцатилетнего Чехова сформулировано его жизненное и творческое кредо, которому он остался верен до конца своих земных дней.